

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

КНИГИ
ДЭВИДА НИКОЛСА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Один день
Мы
Сто тысяч раз прощай

Дэвид Николс

СТО ТЫСЯЧ
РАЗ ПРОЩАЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Н 63

David Nicholls
SWEET SORROW

Copyright © Maxromy Productions Ltd, 2019
This edition published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Е. С. Петрова, перевод, 2020
© З. А. Смоленская, примечания, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17762-8

Посвящается Ханне, Максу и Роми

То, что мы, во всяком случае я, называем «твердой памятью» — памятью о событии, о некой сцене или факте, которые каким-то образом затвердели в нас и тем самым спаслись от забвения, — на самом деле есть нескончаемый пересказ одной и той же истории, которая в процессе пересказа все время меняется. Человек — арена борьбы множества эмоциональных корыстей, подчас противоположных, несовместимых, поэтому невозможно принять свою жизнь целиком и сохранить душевный покой. Я думаю, в этом и заключается одна из задач рассказчика — подлатав тут и там, добиться эмоциональной целостности истории. Как бы то ни было, когда мы говорим о прошлом, каждое наше слово — ложь.

Уильям Максвелл. Пока, увидимся завтра

Часть первая

ИЮНЬ

Так случилось, что именно этим летом она надолго оказалась от всего в стороне. Не была членом клуба и вообще ни в чем не принимала участия. Она чувствовала себя какой-то неприкаянной, как человек, который отирается в чужих дверях, и ее мучили страхи.

Карсон Маккалерс. Участница свадьбы

Конец света

Конец света ожидался в четверг, в шестнадцать пятьдесят пять, сразу после дискотеки.

До той поры катаклизмы подобного масштаба представляли перед нами разве что в слухах об апокалипсисе, которые проносились один-два раза в семестр. В них фигурировали примерно одни и те же обстоятельства. Не какие-нибудь банальности вроде вспышки на Солнце или приближения астероида. Нет, в желтой прессе сообщалось о пророчестве племени майя, или о какой-нибудь брошенной мимоходом фразе Нострадамуса, или о ложной симметрии календарных дат, после чего становилось известно, что аккурат в середине сдвоенного урока физики у нас растают лица. Равнодушный к нашей панике учитель со вздохом прерывал урок, пока мы азартно выясняли, у кого самые точные часы, и начинали обратный отсчет времени: девчонки, втянув головы в плечи, с закрытыми глазами жались друг к дружке, будто готовились к обливанию ледяной водой, парни храбрились, но все тайно вспоминали упущенные поцелуи, несведенные счета, никчемную девственность, лица друзей и родных. Четыре, три, два...

Мы задерживали дыхание.

Потом кто-нибудь выкрикивал «бабах!», и мы заходились смехом, в котором сквозило облегчение и некоторое разочарование оттого, что всем удалось выжить, пусть даже на сдвоенном уроке физики. «Все довольны? Тогда за дело?» — и мы возвраща-

лись к работе, которая совершается при перемещении точки приложения силы в один ньютон на расстояние одного метра.

Но в четверг, в пятнадцать пятьдесят пять, сразу после дискотеки, все должно было измениться. В течение пяти долгих лет время еле ползло, но в последние недели, а теперь уже дни, нас захлестывала атмосфера восторга и паники, радости и страха, смешанная с безумным отрицанием всего и вся. Нас уже не могли напугать кляузными записками родителям или оставить после уроков, а чего только не сделаешь в этом мире, если уверен в своей безнаказанности. В коридорах и кабинетах администрация с особой тщательностью проверяла состояние огнетушителей. Не надумает ли Скотт Паркер высказать миссис Эллис все, что наболело? Не решит ли Тони Стивенс в очередной раз поджечь корпус гуманитарных дисциплин?

И вот — даже не верилось — настал последний день, ослепительно-яркий, начавшийся с потасовок у ворот; школьные галстуки использовались вместо бандан и кушаков, размеры узлов варьировали от грецкого ореха до здорового кулака, а обилие губной помады, всяких цацек и крашенных в синий цвет волос наводило на мысли о футуристическом ночном клубе. И что могли нам сделать учителя — отправить по домам? Им оставалось только вздыхать, пропуская нас на территорию школы. Всю последнюю неделю, не имея больше веских оснований требовать с нас определения пойменного озера, учителя проводили бессистемные, тяготные занятия, объединенные темой «взрослой жизни», в которой, можно было подумать, нас ожидало только заполнение бланков и составления резюме («Увлечения и интересы: общение, телевизор»). Нас учили сводить баланс чековой книжки. А мы смотрели в окно на прекрасный день и думали: осталось недолго. Четыре, три, два...

На перемене мы собрались в своем классе и, вооружившись фломастерами и маркерами, принялись поочередно исписывать друг другу белые рубашки: одни подставляли спины, а другие, как татуировщики в русской тюрьме, нависали сверху и заполняли белое поле всякими сентиментальными гадостями. «Береги себя, мудила», — написал Пол Фокс. «Воючая рубаха», — вывел Крис Ллойд. А мой лучший друг Мартин Харпер в приливе лирического чувства оставил надпись «Друзья не разлей H_2O » и пририсовал вполне реалистичный член с яйцами.

Харпер, Фокс, Ллойд. В ту пору это были мои закадычные друзья, не просто ребята, а *парни*, и, хотя рядом крутились девчонки — Дебби Уорик, Бекки Бойн, Шерон Финдли, — наша компания оставалась самодостаточной и неприступной. Притом что ни один из нас не играл на музыкальных инструментах, мы воображали себя рок-группой. Харпер, с общего согласия, обеспечивал гитару-соло и вокал. Фокс отвечал за бас-гитару и задавал ритм низким «бум-бум-бум». Ллойд, объявивший себя «бешеным», стал барабанщиком, а мне остались...

— Маракасы, — сказал в свое время Ллойд, и мы захохотали, а Маракас потом добавился к длинному списку прозвищ.

Сейчас Фокс вывел их на моей форменной рубашке, да еще подрисовал череп и под ним — скрещенные маракасы, наподобие воинского знака отличия. Дебби Уорик — у нее мать работала стюардессой — притаранила в класс целую сумку маленьких шоколадных бутылочек с ликером (нашими любимыми были «кофе со сливками» и «мята-кокос»), и мы, отправляя их в рот пригоршнями, давились, содрогались и плевались, а мистер Эмброуз положил ноги на стол и впился глазами в крутившееся фоном видео «Освободите Вилли — 2», которое никого не колыхало.

В памяти еще было живо легендарное столовское побоище девяносто четвертого года, когда под ногами взрывались пакетики кетчупа, по воздуху сюррикэнами ниндзя летали порции рыбы в панировке, а картофелины в мундире взмывали и падали по дуге, как гранаты. Вот и сейчас Харпер, в порядке эксперимента взяв за хвостик сосиску в кожистой оболочке, начал подзуживать Фокса: «Давай. Или слабо тебе?», но среди столов тюремщиками расхаживали учителя, и обещания шоколадного бисквита под шоколадным соусом смогли нейтрализовать опасность момента.

В актовом зале мистер Паско толкнул речь, которую нетрудно было просчитать: призвал всех смотреть в будущее, не забывая о прошлом, ставить высокие цели, но не страшиться падений, верить в себя, но думать о других. Важны, мол, не только те знания, которые мы получили (а он надеется, что мы получили очень большой объем знаний!), но и то, какими мы выросли, а мы, уж какими выросли, его слушали, застряв между цинизмом и сентиментальностью, хорохорились, но втайне страшились и тосковали. Мы ухмылялись и закатывали глаза, но в других рядах многие держались за руки и хлопали носами, внимая призывам беречь старую дружбу — дружбу, которую мы пронесем через всю жизнь.

— Через всю жизнь? Еще не хватало, — сказал Фокс, любовно отрабатывая на мне прием с захватом головы и тычками кулаком.

Настал черед награждений, и мы в своих креслах сползли еще ниже. Грамоты всегда вручались одним и тем же ученикам, и жидкие аплодисменты зала стихали задолго до того, как очередной отличник успевал спуститься со сцены и, зажав подбородком наградной книжный купон, предстать перед фоторепортером местной газеты, как для процедуры опознания. А потом на сцену шумно высыпал школь-

ный свинговый оркестр под управлением мистера Соломона, чтобы порадовать нас звуками американского биг-бэнда — какофонией и дерготней этой гленн-миллеровской вещи, «В настроении».

— Зачем? Ну зачем? — мучился Ллойд.

— Сейчас надо создать *настроение*, — объяснил Фокс.

— Какое настроение? — не понял я.

— «Паршивое настроение», — сказал Ллойд.

— «Задрали» в исполнении Гленна Миллера и его оркестра, — объявил Фокс.

— У него даже самолет этого не выдержал — утонул, — сказал Харпер, но, когда музыкальный шквал затих, Фокс, Ллойд и Харпер сорвались с мест и начали скандировать «браво, браво, браво!».

На сцене Гордон Гилберт с безумным видом выдернул ратруб своего тромбона и что было сил подбросил его высоко-высоко, под потолок, где он на миг завис, потом рухнул на планшет сцены и смялся, как консервная банка; мистер Соломон, подскочив к Гордону, разорался ему в лицо, а мы потянулись в спортзал, на дискотеку.

Но я понимаю, что происходящее затрагивало меня только по касательной. В целом тот день запомнился мне вполне отчетливо, но, пытаясь описать свое участие, я вспоминаю лишь то, что видел и слышал, но вовсе не то, что говорил и делал сам. В школьные годы моим отличительным свойством было отсутствие всяких отличительных свойств. «Чарли старается соответствовать базовым требованиям и в основном справляется с данной задачей» — это была лучшая характеристика, на какую я только мог рассчитывать, но даже эту скромную репутацию окончательно подорвали экзамены. Не лидер, но и не шестерка, не идол, но и не пугало; не принадлежал к хулиганам, но со многими был в друзьях;

не кидался в гущу драки, чтобы заслонить собой жертву от своры, потому что храбрости не хватало. Наш последний учебный год запомнился всплеском преступности: активизировались угонщики велосипедов, магазинные воры, поджигатели; с наиболее злостными нарушителями я не общался, но и с паймальчиками — из числа награжденных книжными купонами — тоже дружбу не водил. Я не прогибался, но и не бунтовал, не ввязывался в криминал, но и другим не препятствовал; избегал неприятностей, да и всего остального тоже. У нас высоко ценились словесные пикировки; в своем классе я не стал ни клоуном, ни занудой. Изредка мог вызвать у компании удивленный смешок, но мои лучшие острооты либо заглушались каким-нибудь горлопаном, либо элементарно запаздывали; я и сейчас, по прошествии более чем двадцати лет, все еще придумываю, как мог бы кого-нибудь срезать году этак в девяносто шестом или девяносто седьмом. Отнюдь не урод (мне это говорили), я улавливал зазывные шепотки и смешки девчонок, но что толку, если даже не можешь придумать, как ответить? От отца я унаследовал рост (и только), от матери — глаза, нос, рот, зубы (хорошо, что не наоборот, говаривал отец); нет, не так: от него я унаследовал еще манеру сутулиться и втягивать голову в плечи, чтобы занимать меньше места в мировом пространстве. По какой-то счастливой прихоти желез и гормонов у меня не бывало ни угревой сыпи, ни прыщей, которые для многих становились чумой всей юности; я не усыхал от тревог и не жирел от чипсов и газированных напитков — наших основных перекусов, но всегда был уверен в себе. И не только в плане внешности.

Другие ребята каким-то образом изменяли самих себя по своему хотенью, причем целенаправленно, как стрижки или одежду. Мы были пластичны, непостоянны и, пока не зачерствели и не закоснели,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИЮНЬ

вечно экспериментировали — с почерком, политическими взглядами, тональностью смеха, походкой, жестами — для этого еще оставалось время. Пять лет старшей школы напоминали какую-то сумбурную репетицию: мы переодевались и перенастраивались, бросали под ноги разорванные привязанности и ненужные мнения; это действие, жутковатое и пьянящее для самих участников, бесило и ставило в тупик родителей и учителей, которым оставалось лишь наблюдать за этими импровизациями и разгребать завалы.

Не за горами было время, когда каждому предстояло взяться за ту роль, для которой он хоть как-то мог сгодиться, но, когда я пробовал смотреть на себя со стороны (иногда буквально: поздним вечером, зачесав назад челку и вглядываясь в отцовское зеркало для бритья), передо мной представало... нечто невразумительное. На своих фотографиях той поры я вижу персонажа ранних мультфильмов, некий прототип, который хоть и смахивает на более поздний примелькавшийся образ, но еще остается непропорциональным, каким-то неправильным.

Нет, получается сбивчиво. Хорошо, тогда вообразите другой снимок — фотографию класса, уж она-то сохранилась у каждого: физиономии мелкие, нужно вглядываться. И не важно, сколько лет этому фото — сорок или пятьдесят, но где-то в среднем ряду обнаруживается смутно знакомая личность, не анекдотическая, не скандальная, не победоносная — ничем не памятная. И начинаешь думать: кто же это такой?

Вот это и есть Чарли Льюис.

ОПИЛКИ

Дискотека выпускников отличалась поистине римским разгулом, сравнимым разве что с выездными уроками биологии. Нашей ареной был спортзал, где свободно мог бы разместиться пассажирский авиалайнер. Для иллюзии уюта между шведской стенкой и зеркальным шаром, который болтался на цепи, как средневековый кистень, натянули ветхие бумажные флажки, но зал все равно выглядел неуютно и голо; под звуки первых трех песен композиций мы сидели вдоль стен на гимнастических скамейках, разделенных пыльным, щербатым паркетным полом, и сверлили глазами противоположную сторону, как воины перед началом битвы, для храбрости передавая друг другу последние шоколадные бутылочки из запасов Дебби Уорик, но очень скоро у нас осталось только «куантро» — переступить эту черту никто не решался. Учитель географии, мистер Хепбёрн, в отчаянии менял «I Will Survive» на «Baggy Trousers» и даже на «Relax»¹, пока мистер Паско не попросил его убавить звук до минимума. Час с четвертью — и все закончится. Мы тратили время впустую...

Но тут зазвучала песня «Girls & Boys»² группы *Blur*, и как по команде на танцпол хлынула тол-

¹ «Как-нибудь выживу», «Мешковатые брюки», «Расслабься» (англ.).

² «Девочки и мальчики» (англ.).

па, все дергались от души, а потом не расходились, воплями приветствуя следующие поп-хиты. Мистер Хепбёрн принес с собой взятый напрокат стробоскоп и теперь давил на кнопку большим пальцем, внезапно забив на все требования здравоохранения и безопасности. Мы в благоговении смотрели на свои сгибающиеся пальцы, втягивали щеки и закусывали нижнюю губу, как рейверы, которых показывали в теленовостях, дергали согнутыми в локтях руками, оглушительно топали, пока рубашки у всех не промокли от пота. Я увидел, как растекаются чернила на «H₂O», и вдруг вспылал сентиментальными чувствами к этой реликвии, протиснулся к скамье, под которой заныкал сумку, вытащил старую спортивную форму, прижал ее к носу, чтобы проверить, отвечает ли она хотя бы минимальным требованиям личной гигиены, и направился в раздевалку для мальчиков.

Если фильмы ужасов не врут, что стены и фундамент любого помещения накапливают в себе чувства тех, кто там побывал, тогда эта раздевалка требовала срочного обряда очищения. Жуть что там происходило. В углу, например, высилась зловонная, слежавшаяся от времени, как торфяник, груда бесхозного барахла (плесневелые полотенца, заскорузлые носки), в которую мы однажды закопали Колина Смарта; в другом углу осталось место, где Пола Банса вздернули за трусы с такой силой, что пришлось везти его в травму. Это помещение было средни огороженной арене, где все удары, физические и моральные, считаются дозволенными; в последний раз присев на гимнастическую скамейку, я осторожно просунул голову между крючками для одежды, повидавшими не одну жертву, и меня вдруг захлестнула невероятная тоска. Возможно, это была ностальгия, но такое трудно представить: ностальгия по жидкому мылу, налитому тебе в пенал, по драке

мокрыми полотенцами? Нет, меня, скорее, терзало сожаление о несбывшемся. Гусеница наматывает на себя кокон, и в этой прочной скорлупе растворяются стены тюремной камеры, начинается кишение и перестроение молекул, кокон лопается — а гусеница уже совсем другая, подросшая, более мохнатая и менее уверенная в своем будущем.

В последнее время меня изрядно дожимали такие вот глубокомысленные раздумья, и сейчас я буквально стряхнул это самокопание, просто дернув головой. Впереди уже маячило лето, так неужели в этом промежутке между прошлыми сожалениями и будущими страхами невозможно оттянуться, пожить по-человечески, замутить какую-нибудь движуху? Между тем в это время мои друзья танцевали за стенкой, как роботы. Я быстро натянул через голову нестираную футболку, пробежал глазами неряшливые надписи на моей школьной рубашке и у нижнего края заметил фразу, четко и аккуратно выведенную синими чернилами:

ты доводил меня до слез

Эту рубашку, тщательно сложенную, я убрал в сумку.

В зале мистер Хепбёрн поставил «Jump Around»¹, и танцы уже стали более отвязными, более агрессивными, когда парни бросаются друг на друга, будто вышибая дверь.

— Боже правый, Чарли, — сказала мисс Бутчер, руководительница драмкружка, — откуда столько эмоций?!

В течение дня все знакомые страсти, злые умыслы и потаенные чувства, любовь и похоть, раскалились до такого градуса, который уже был чреват взрывом. Воздух жужжал и рвался наружу, я залез на шведскую стенку, сложился между перекладина-

¹ «Скачи» (англ.).

ми и задумался о тех пяти словах, выведенных аккуратно и отнюдь не случайно. Попытался вызвать в памяти лицо или найти его среди множества лиц в этом зале, но получалась какая-то детективная история, где у каждого есть мотив. Безумства между тем нарастали: мальчишки взбирались друг другу на плечи и с разгона врезались в соперников — прямо рыцарский турнир. Даже в реве музыки было слышно, как спины плашмя грохаются на паркет. Разгорелась нешуточная драка. У кого-то в кулаке блеснула связка ключей, и мистер Хепбёрн для восстановления общественного порядка включил *Spice Girls* — музыкальный водомет для драчунов, которые тут же откатились в стороны; их место заняли девчонки, которые скакали и грозили друг дружке пальчиками. За пультом тоже произошла смена составов: мисс Бутчер заняла место мистера Хепбёрна. Тот махнул мне рукой и стремглав ринулся через танцпол, крутя головой налево и направо, как будто перебежал оживленную улицу в неполюженном месте.

— Ну, что скажешь, Чарли?

— В вас умер бесподобный диджей, сэр.

— Чего лишилась клубная тусовка, то приобрела география, — сказал он, устраиваясь на шведской стенке рядом со мной. — Зови меня Адам. Мы теперь не связаны субординацией, ну или будем от нее свободны... через сколько там?.. через полчаса. Через полчаса сможешь называть меня как угодно!

Мне нравился мистер Хепбёрн, а его упорство перед лицом столь явного равнодушия толпы даже вызвало восхищение. *Не в обиду будь сказано: зачем все это?* Из всех учителей, которые косили под своих ребят, ему лучше всех удавалось, не заискивая, выглядеть приличным человеком, отпускать загадочные намеки на «бурные выходные» и учительские козни, а ненавязчивые признаки бунтарства — ослабленный галстук, легкая небритость, лохматая

шевелюра — наводили на мысль о нашем с ним единении. Порой у него даже слетали с языка ругательства, словно конфетки, брошенные в толпу. Но ни в одном из возможных миров я бы не смог обратиться к нему «Адам».

— Итак... скоро в колледж?

Мне послышались первые признаки утешительной речи.

— Вряд ли я пройду по баллам, сэр.

— Ты этого знать не можешь. Заявление ведь подавал, правда?

Я кивнул.

— На художественное оформление, программирование и компьютерный дизайн.

— Замечательно.

— Да только баллов не набрал.

— Ну, это пока неизвестно.

— Я почти уверен, сэр. На половину тестов вообще не явился.

Он легонько стукнул меня кулаком по колену, но быстро передумал продолжать.

— Ну ладно, даже если не набрал, существуют какие-то другие возможности. Пересдача, выбор другой, неизбитой специальности. Для парней твоего склада, талантливых...

Я с благодарностью вспоминал его похвалы в адрес моей проектной работы о вулканах: последнее слово в науке, современное изображение вулкана в разрезе — как будто я открыл некие основополагающие истины, столетиями ускользавшие от вулканологов. Но это был только маленький крючок, на который можно повесить словцо «талантливый».

— Не, я работать пойду, сэр. До сентября устрою себе передышку, а потом...

— Как сейчас помню твою презентацию о вулканах. Штриховка была нанесена бесподобно.

— Это уже в прошлом.

Я пожал плечами и вдруг с ужасом понял, что у меня внутри щелкнул какой-то переключатель и сейчас из глаз потекут слезы. Даже мелькнула мысль: а не забраться ли на несколько перекладин выше?

— Но ты, вероятно, найдешь работу, связанную как раз с этим.

— С вулканами?

— С компьютерной графикой, с дизайном. Если после объявления результатов захочешь со мной это обсудить...

Или не забираться выше, а взять да и спихнуть его с перекладины. Благо падать невысоко.

— Ладно, я разберусь.

— Хорошо, Чаз, хорошо, но позволь открыть тебе одну тайну. — Он развернулся ко мне, и я учуял пивной дух. — Заключается она в следующем. Настоящее ни на что не влияет. То, что происходит сейчас, ни на что не влияет. Ну то есть *влияет*, но не так сильно, как тебе видится, а ты еще молод, *так* молод. Захочешь — поедешь учиться, захочешь — вернешься, когда созреешь, но у тебя. Полно. Времени. Эх... — Он мечтательно прижался щекой к деревянной стойке. — Если бы я в один прекрасный день проснулся шестнадцатилетним... эх...

Я уже приготовился спрыгнуть, но тут мисс Бутчер как по заказу нацупала стробоскоп и выдала длинную-длинную очередь вспышек; в толпе раздался вопль, началось внезапное кишение: в мерцающем свете, под звуки «МММВор» ребята в панике окружили Дебби Уорик, которая, закашлявшись, извергала в этом дьявольски быстром слайд-шоу белопенную рвоту прямо на обувь и голые ноги тех, кто оказался рядом, и зажимала рот ладонью, отчего радиус дуги только увеличивался, как при поливе из зажатого пальцем шланга, и одинокая Дебби под общий гогот и визг сложилась пополам в кольце выпускников. Только тогда мисс Бутчер выключила

чила стробоскоп и на цыпочках пробралась сквозь оцепление к Дебби Уорик, чтобы самыми кончиками пальцев вытянутой руки помассировать ей спину.

— Студия пятьдесят четыре, — сказал мистер Хепбёрн, слезая со шведской стенки. — Перебор стробирующих импульсов, понятно?

Музыка смолкла, ребята оттирали голые ноги грубыми бумажными полотенцами, а уборщик Парки побежал за опилками и дезинфицирующим средством, которые всегда были наготове в дни подобных мероприятий.

— Осталось двадцать минут, леди и джентльмены, объявил мистер Хепбёрн, вернувшись за пульт. — Двадцать минут, а это значит, что пора немного сбавить обороты...

Медленные песни давали ученикам санкционированную возможность лежать друг на друге в положении стоя. До этого первые аккорды «2 Весоме 1»¹ расчистили танцпол, но теперь по периметру закипели панические переговоры, которые мы вели по пояс в тумане, поскольку техники по собственной инициативе высыпали нам под ноги небольшое количество сухого льда. Первыми из дымки вырвались Салли Тейлор и Тим Моррис, за ними — Шерон Финдли и Патрик Роджерс, школьные секс-первопроходцы, которые засовывали руки глубоко под пояса брюк и юбок друг друга, как будто хотели вытянуть оттуда счастливый лотерейный билет, а потом Лайза Боден по прозвищу Боди и Марк Соломон, Стивен Шенкс (он же Шенкси) и Элисон Куинн (она же Королева), изящно перепрыгнули через опилки.

Но они в наших глазах были семейными парочками с большим стажем. Толпа требовала новых зрелищ. Из дальнего угла донеслись улюлюканье и ободрающие вопли: там коротышка Колин Сمارт взял

¹ «Стать одним» (англ.).

за руку Патрицию Гибсон и та, отчасти подталкиваемая сзади, отчасти взятая на буксир, выплывала на свет, свободной рукой загораживая лицо, как обвиняемая перед входом в здание суда. Между тем парни и девчонки стали на свой страх и риск совершать перебежки через весь зал: одних принимали с распростертыми объятиями, другим давали отлуп, и эти, натужно улыбаясь, понуро разворачивались под жидкие хлопки.

— Видеть этого не могу, а ты?

Ко мне на шведскую стенку забралась Хелен Бивис, девочка из гуманитарного класса, чемпионка по хоккею на траве, временами именуемая Ключкой — естественно, за глаза.

— Ты посмотри, — продолжала она, — Лайза готова всю голову засунуть в рот Марку Соломону.

— Могу поспорить: он еще жвачку не выплюнул...

— Гоняет ее туда-сюда. Маленький зубной бадминтон. Чпок-чпок-чпок.

Мы с ней — с Хелен — и раньше совершали застенчивые шаги к сближению, которые, впрочем, ни к чему не привели. В классах гуманитарно-художественного направления она входила в число продвинутых учеников, которые создавали большие абстрактные полотна с названиями вроде «Разделение» или неустанно совали какие-то глиняные поделки в печь для обжига керамики. Если в изобразительном искусстве главное — самовыражение и эмоции, то я был всего лишь «добротным рисовальщиком»: мне удавались детально проработанные, густо заштрихованные эскизы зомби, космических пиратов и черепов, непременно с одним зрячим глазом; сюжеты черпались из компьютерных игр и комиксов, из ужастиков и научно-фантастических фильмов, а причудливые, ожесточенные образы лишь по чистой случайности не привлекли внимания школьного психолога.

«Одно могу сказать, Льюис, — когда-то произнесла параспев Хелен, держа на расстоянии вытянутой руки портрет какого-то межгалактического наемника, — ты классно рисуешь мужские торсы. И плащи. А представь, каких ты добьешься успехов, если переключишься на что-нибудь реалистическое».

Я тогда не ответил. Хелен Бивис была для меня слишком умной, причем никогда себя не выпячивала и не гонаясь за книжными купонами. Вдобавок она отличалась остроумием и свои лучшие шутки произносила вполголоса, для собственного удовольствия. Ее фразы были многословнее, чем требовалось, но в каждом втором слове сквозила ирония, отчего я не мог взять в толк, как их понимать: в прямом смысле или в обратном. Слова, даже однозначные, были для меня камнем преткновения, и если наши с ней приятельские отношения чем-то подпитывались, то лишь тем, что я вечно не догонял.

— Знаешь, чего не хватает в нашем спортзале? Пепельниц. Которые задвигаются в торцы параллельных брусьев. Слушай, а нам уже можно курить?

— Можно будет только... через двадцать минут.

Как и все наши лучшие спортсмены, Хелен Бивис была заядлой курильщицей, она затягивалась, не успев выйти за территорию школы, и, когда смеялась, подрагивала сигаретой «Мальборо» с ментолом, как морячок Попай — трубкой, а однажды я увидел, как она заткнула одну ноздрю пальцем, а из другой выпустила соплю, которая перелетела через живую изгородь и приземлилась метрах в четырех. Такой жуткой стрижки, как у Хелен, я не видел больше ни у кого: на темени — ирокез, сзади — длинная, жидкая гривка, а к щекам лишнут остроконечные бакенбарды, будто пририсованные к портрету шариковой ручкой. Таинственная формула, известная только старшеклассникам, — жидкие волосы, плюс

художественные наклонности, плюс хоккей, плюс небритые ноги — однозначно указывала на лесбиянку; для парней это было сильнодействующее слово, способное как разжечь, так и погасить любую искру интереса к девчонке. Лесбиянки бывали двух — только двух — типов, и Хелен относилась явно не к тому типу, который мелькал на страницах журналов, хранимых Мартином Харпером, а потому не пользовалась успехом у парней, что, надо понимать, ее вполне устраивало. Но я относился к ней с симпатией и был бы рад произвести впечатление, хотя она, видя мои потуги, только медленно покачивала головой.

Наконец подвешенный на цепи зеркальный шар пришел в движение.

— Ах. Какое чудо, — изрекла Хелен, кивком указывая на медленное кружение танцующих пар. — Всегда по часовой стрелке, ты заметил?

— В Австралии кружатся в другую сторону.

— А на экваторе стоят без движения. Там народ устойчивый.

Композицию «2 Become 1» сменил теплый сироп «Greatest Love of All»¹ Уитни Хьюстон.

— Фу! — сказала Хелен, поводя плечами. — Надеюсь, наше будущее все же не в этих детях — так будет лучше для всех.

— Возможно, Уитни Хьюстон не имела в виду конкретно нашу школу.

— Скорее всего.

— Мне в этой песне еще одно непонятно: «Учиться... ммм... любить себя» — почему это считается величайшей любовью?

— А ты вслушайся как следует: там звучит «не любить» — и это более осмысленно, — сказала она.

Мы прислушались.

¹ «Величайшая из всех любовь» (англ.).

— «Учиться не любить себя...»

— «...в том величайшая нелюбовь». Потому она так легко дается. И что поразительно, это подходит почти ко всем любовным песням.

— «Она не любит тебя...»

— Точно.

— Спасибо, Хелен. Теперь я вижу смысл.

— Дарю. — (Мы опять повернулись к танцевальной площадке.) — Триш, похоже, довольна.

И мы стали наблюдать за Патрисией Гибсон, которая, до сих пор загораживая лицо ладонью, одновременно танцевала и пятилась.

— Как интересно у Колина Смарта топорщатся брюки! Придумал тоже, куда положить пенал. Вжух! — выпалила Хелен. — Я и сама однажды так влипла. На рождественской дискотеке в компании прихожан методистской церкви, с человеком, чье имя называть не вправе. Хорошего мало. Как будто тебе в бедро упирается угол обувной коробки.

— Думаю, парню это приятней, чем девушке.

— Так пусть выйдет и потрется о дерево, что ли. А иначе получается неприличие, то есть в моем понимании хамство. Не включай такие средства в свой арсенал, Чарльз.

У других парочек руки либо нащупывали ягодичы, либо уже на них лежали, потные и боязливые, либо мяли эту плоть, как тесто для пиццы.

— Смотреть противно. И не только из-за моего пресловутого лесбиянства.

Я заерзал на перекладине. У нас не было привычки к прямому, откровенному обсуждению таких вопросов. Их полагалось избегать, и в следующий миг...

— Ты, кстати, потанцевать не желаешь? — спросила она.

Я нахмурился:

— Не-а. Мне и тут неплохо.

— Вот-вот, мне тоже, — сказала она; прошло немного времени. — Если захочешь кого-нибудь пригласить...

— Говорю же, мне и тут неплохо.

— Неужели у тебя нет предмета страсти, Чарли Льюис? Не хочешь в последние минуты перед смертью снять груз с души?

— Да я на самом деле этим... не занимаюсь. А ты?

— Я? Нет-нет, у меня внутри, считай, все умерло. И вообще любовь — буржуазное измышление. А вот это... — она кивком указала на танцпол, — это не сухой лед, а пелена низко стелющихся феромонов. Принюхайся. Любовь — это... — (Мы стали втягивать носом воздух.) — «Куантро» и хлорка.

Микрофон зафонил — это громогласный мистер Хепбёрн поднес его слишком близко к губам.

— Последняя песня, дамы и господа, самая последняя песня! Пусть каждый найдет себе пару для этого танца... смелее, пипл!

Заиграл «Careless Whisper»¹, и Хелен кивнула в сторону заговорщического кружка, который сейчас вытолкнул вперед одну девушку. Направляясь в нашу сторону, Эмили Джойс заговорила раньше, чем следовало, — с такого расстояния ее не было слышно.

— ...

— Что-что?

— ...

— Я тебя не...

— Привет! Я просто поздоровалась, вот и все.

— Привет, Эмили.

— Хелен.

— Ну, здравствуй, Эмили.

— Вы чем тут занимаетесь?

¹ «Беспечный шепот» (англ.).

Николс Д.
Н 63 Сто тысяч раз прощай : роман / Дэвид Николс ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 544 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-17762-8

Впервые на русском — новейшая книга современного классика Дэвида Николса. Газета *Guardian* писала: «Его прошлый роман „Мы“ попал в Букеровский длинный список, а позапрошлый, „Один день“, прославил Николса на весь мир: перевод на 40 языков, тираж свыше 5 миллионов экземпляров, экранизация с Энн Хэтэуэй и Джимом Стёрджесом в главных ролях. И в „Сто тысяч раз прощай“ Николс делает то, что умеет лучше всего: погружая читателя в ностальгический пейзаж памяти, рассказывает историю любви — трогательную, но без дешевой сентиментальности, наполненную живым чувством, умными наблюдениями и, главное, юмором».

Лето 1997 года. Чарли Льюис уверен, что провалил школьные выпускные экзамены, и о будущем старается не думать. Он подрабатывает на бензоколонке, разъезжает по окрестностям на велосипеде, избегает собственного отца и читает старую фантастику. Но однажды на лугу возле «Усадьбы Фоли» он встретит Фран Фишер — и с ней в его жизнь придет надежда. Однако цена этой надежды высока — знакомство с Шекспиром. А Театральный кооператив «На дне морском» завлекает в свои сети покрепче иной секты...

«Автор „Одного дня“ снова показал себя неисправимым романтиком. Первая любовь то возносит нас на вершину блаженства, то повергает в бездну отчаяния, и Николс воспроизвел колебания этого маятника с идеальной точностью» (*Daily Express*).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЭВИД НИКОЛС
СТО ТЫСЯЧ РАЗ ПРОЩАЙ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.01.2020. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз. Усл. печ. л. 26,52.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-26321-01-R